

выдаваемый для смазки ботинок. Стены от такого «освещения» становились чёрными. Затем кубрики стали освещаться электролампочками, но движок прекращал работу в 24.00, и свет гас. За ночь кубрики остывали. Но ребята нашли выход. Перед тем, как ложиться спать, нагревали на плите по кирпичу и брали его с собой под одеяло. К утру раздавались громовые раскаты: это с третьего яруса (кто-то повернулся) кирпич падал на пол, юнги просыпались, вскакивали с кроватей, тем самым, в суматохе забыв про свои кирпичи, ненароком сбрасывая их наземь.

7 ноября 1942 года юнги приняли военную присягу... После принятия присяги Школа стала полноценной воинской частью, которой был присвоен номер 30835 и выдано боевое знамя.

Шла война, подростки, которым не исполнилось и шестнадцати лет, дали присягу, и с них спрашивалось, как со взрослых бойцов. А ведь попавшие в школу юнг были разными: и сильными, и слабыми, избалованными и маменькиными сыночками. Но из каждого необходимо было сформировать боевого матроса, готового шагнуть на палубу корабля.

Наконец приступили к учебе, одновременно продолжая заниматься стройкой. Выходные были только от учебы, на стройке же работали каждый световой день напролёт. С перекурами на десять минут. Но юнгам курить не полагалось, и потому предприимчивые старшины заменяли перекур строевой подготовкой. Только перед обедом звучала долгожданная команда: «На десять минут разойтись!»

Двухгодичную программу нужно было освоить за тринадцать месяцев, поэтому занимались по десять – двенадцать часов в день. Ребята сначала поверить не могли, что смогут запомнить сотни названий частей корабля. А всего терминов при изучении морского дела нужно было знать назубок около полутора тысяч. Голова пухла от «грот-брам-рей» и «грот-бом-брам-брасов», но они зубрили, зубрили, зубрили... А ведь были ещё и другие предметы.

Учебников не хватало: один на десять человек. Не было карандашей, бумаги, часто писали на газетах. Мальчишки умудрялись учиться на хорошо и отлично.

Каждый юнга знал назубок распорядок дня:

6 часов утра – подъем

22 ч. 30 мин. – отбой.

Юнг готовили, как старшин, без жалости, давая им самую сложную теорию.

Учили быстро есть. Дежурный по камбузу часто предупреждал о том, что идёт жестокая война, чтобы выжить и победить врага, нужна сноровка, быстрота соображений и действий, надо научиться кушать быстро – это на кораблях пригодится, в противном случае можете остаться без еды».

По учебному плану юнги изучали следующие предметы:

1. Специальность.
2. Общевоинская подготовка.
3. Военно-морское дело.
4. Общеобразовательные предметы: русский язык, математика, физика, география и черчение.
5. Политподготовка.

Все юнги без исключения проходили практику по военно-морскому делу. Ребята выходили в море на шлюпках под парусами и на веслах. Хватало кровавых мозолей, минут страха перед штормящим морем, но духом юнги не падали.

Наставником морской практики был сам начальник Школы. Морской офицер, участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, **Авраамов** заслужил особую любовь, когда юнги стали ходить в море. Человек уже пожилой, в немалом звании, он не гнушался самолично проводить с ними шлюпочные занятия.

Он привил ребятам любовь к воде. Проплывая вдоль берегов на шлюпке, он приказывал: «Каждый пусть нырнёт и... достанет мне что-нибудь со дна». Авраамов сделал так, что море для них из затаённой опасности превратилось в дружескую стихию, а вода – в колыбель».

Выходили в шлюпках юнги и в штормовую погоду – учились управляться с парусами. Чтобы отработать навыки спасения на воде, делали так: когда до берега оставалось сто метров, старшина выдёргивал пробку из днища шлюпки, вода начинала её заполнять, и ребята должны были бороться за спасение плавсредства и собственные жизни. Ещё более жёстко проходило учение «спасение с горящего корабля». Неподалеку от линии прибоя был выкопан колодец и соединён с морем трубой. На верхний край этого сооружения наливалась солянка и... поджигалась. Юнги в полном снаряжении (шинель, ботинки) с высоты трёх метров должны были нырнуть через это горящее кольцо в колодец, проплыть по трубе и выбраться морем. Вне сомнений, для таких учений нужна была отличная физическая подготовка. Этому способствовали занятия спортом.

Кроме шлюпок, школа имела несколько торпедных катеров и мотобот. На всю жизнь остался в памяти каждого юнги день, когда он впервые встал за штурвал быстроходного торпедного катера и повёл его по Белому морю.

Николай Юрьевич Авраамов был для юнгашей и остался на всю их жизнь путеводным маяком, совестью и честью.

Когда юнги учились – называли его «батей», а спустя многие годы стали называть «главным юнгой».

Именно этот человек оказался добрым и справедливым, и ребята сразу потянулись к нему, как к отцу родному... Особое уважение вызывал тот факт,

Н.Ю. Авраамов и ульяновец Юрий Павлов

что по его книгам «Рулевое дело» юнги учились и ему же отвечали на занятиях. Не знать материала или отвечать ему плохо было просто стыдно.

Строгим Авраамов казался только по внешнему виду. На самом деле он был человеком редкостной души. Юнг любил всех и называл их сынками. Николай Юрьевич понимал, что эти сынки – мальчишки – рано расстались с детством, покинули родной дом, добровольно надели матросские шинели, чтобы получить флотскую специальность и заменить выбывших из строя отца или брата. Вот кем были для него эти мальчишки.

Навсегда запомнили юнги слова «бати» об учёбе:

– Кто будет плохо учиться, тот выберет себе незавидную судьбу – флот в балласте не нуждается. А потому знайте: у вас не уроки, а боевая подготовка, не экзамен – а бой, который надо выиграть. Помните, отличники боевой и политической подготовки получают право выбора любого флота страны и любого класса корабля...

Нам трудно было – мы терпели,
«Грызя гранит» науки свой,
Попасть на фронт скорей хотели
Фашистов бить своей рукой.
Наш «бать», грозный Авраамов,
Учил нас гордости морской,
Готовил к жизни, как к авраам,
Чтоб каждый был из нас герой!

Одновременно с назначением Авраамова Николая Юрьевича был назначен и стал бессменным комиссаром Школы Сергей Сергеевич Шахов. Боевой подводник принял своё новое назначение без восторга. Он, боевой офицер, должен возиться с мальчишками? Шахов считал, что в такое время его место в бою... Боевому и смелому моряку раньше никогда не приходилось работать с подростками. И поэтому он осторожно, чтобы не ошибиться, начал знакомиться с юнгами. А обстановка была очень сложной, поэтому Шахову на Соловках пришлось начинать всё с нуля.

Приходили ребятам письма из дома, в которых говорилось о гибели отцов и братьев... Как сказать, чтобы горе можно было оправдать, чтобы утихла боль, но и посеять в сердцах горение оправданного мщения врагу?..

Вот так говорил комиссар, глядя в глаза юнги, положив свои крепкие ладони на хрупкие плечики:

– Ты уже взрослый, сынок, без пяти минут боевой моряк, мужайся. И помни, всегда помни, что гибель отца твоего не напрасна, он погиб героем, спасая жизни многих людей. А ты, сынок, отмстишь за него!

Огромная ответственность выпала на долю преподавателей и старшин. Они должны были дать юнгам прочные знания по специальности, привить им любовь к морю, к кораблю, но и многим из них заменить родителей. Из 65 преподавателей 27 имели высшее образование, 4 – незаконченное высшее, 34 – среднее специальное. Многие преподаватели и старшины были участниками Великой Отечественной войны.

Юнги первого набора внесли вклад в дело Победы, будучи ещё учениками. Им было предписано выдавать жалованье 8 рублей 50 копеек в

месяц. На эти деньги можно было покупать бумагу для писем, конверты, бритвы, так как многие юноши уже брились, ну и, конечно, любимые сладости. Однако юнги и их командиры решили собрать деньги на постройку торпедного катера под названием «Юнга». Они смогли сделать это уже в марте 1943 года. Вскоре от Верховного Главнокомандующего пришла телеграмма: «Из Москвы. Правительственная. Красная Армия 20/09 – 07, в два адреса. Авраамову, Шахову. Передайте юнгам, собравшим 160 тыс. рублей и 40 тыс. облигациями на постройку торпедного катера, мой привет и благодарность Красной Армии. Желание юнг будет исполнено. И.В. Сталин».

В августе 1943 года у юнг начались настоящие стрельбы, в караул выдавались боевые патроны.

Принимать выпускные экзамены приехали офицеры с боевых кораблей. Результаты: 77% отличников, 20% хорошистов и 3% посредственников.

Первый выпуск юнг состоялся в сентябре 1943 года.

У всех было одно стремление – скорее попасть на действующий флот, на корабли, чтобы встать в ряды защитников Родины.

Остров Соловецкий,
древних стен тишина...
Здесь мальчишек советских
опалила война.
Испытала на стойкость,
честность, верность стране.

Детство их непростое
всё досталось войне.

Постигали науки
и в сражения шли
Соловецкие юнги
Беломорской земли...

Их военные были
«Одиссее» сродни.
Только жизни их были
уязвимей брони...

Выпускников выстроили на плацу перед штабом. Начальник школы Н.Ю. Авраамов зачитал приказ Наркома ВМФ о направлении юнг на флоты и флотилии. Каждому выпускнику было вручено свидетельство об окончании школы. Юнги дали клятву на верность своему воинскому долгу. Вот её текст:

«Родина! Великая Советская держава!

В день отправки нас на боевые корабли приносим тебе свою клятву!

Мы клянёмся с достоинством и честью оправдать оказанное нам доверие, умножать боевые традиции советских моряков, хранить и оберегать честь Школы юнг ВМФ.

Мы клянёмся отдать все силы, отдать жизнь, если надо, за свободу и независимость нашей Родины.

Мы клянёмся до полного разгрома и уничтожения врага не знать отдыха, не знать покоя, быть в первых рядах самых мужественных, самых смелых, самых храбрых советских моряков. Если ослабнет воля, если подведу товарищей, если трусость постигнет в бою, то пусть презирают меня в веках, пусть покарает меня суровый закон Родины».

Автор текста С.С. Шахов, комиссар Школы юнг ВМФ.

После окончания Школы юнгам полагался месячный отпуск. Но когда в строю им зачитали просьбу командования желающим сразу же отправиться на действующий флот, по команде: «Желающие, шаг вперёд! – шагнули все.

Выпускники с нетерпением ждали начальника школы Николая Юрьевича Авраамова. Строй двинулся. И вдруг все увидели фигуру «бати». Он стоял в стороне от дороги, стрункой вытянувшись при приближении колонны. Дав команду остановиться, произнёс всего несколько слов: «Вы первый выпуск нашей родной Школы. За вами пойдут другие. Но запомните, вы – первые! Так будьте же первыми и на флоте, мои родные североморцы. Впереди большая и чистая жизнь. Большая и чистая, как морская вода. Прощайте!»

У ребят по телу пробежала дрожь. Они услышали сокровенные слова, навеки оставшиеся в памяти. Но следующее действие Авраамова потрясло. Он приказал двигаться и низко поклонился уходящим на фронт мальчишкам. Юнги шагали вперёд, но через каждый шаг оглядывались, строй уже нарушился, ведь каждый хотел ещё и ещё раз увидеть фигуру Авраамова. Последний раз... А он стоял как вкопанный, не шелохнувшись. Только седая голова была повернута в сторону уходящей колонны. Как человек до мозга костей военный, он, провожая своих питомцев, совсем ещё детей, понимал, что посылает их навстречу верной гибели. Старый моряк стоял и плакал...

Юнги первого набора были распределены на все флоты и флотилии, где шли жаркие бои, где катастрофически не хватало специалистов. И у каждого из них был свой флот, свой корабль и своя война...

Стихли ветра норд-веста,
Водная гладь – стекло,
Облаком дым завесы
Солнце заволокло.
И пулеметы хором
Рявкнули в небеса, –
Грянула над простором
Огненная гроза.
Только летят упрямо
В самый ад катера...
– Я ж несмертельно, мама,
Вылечат доктора.

Юнги на боевых кораблях осваивали по несколько специальностей и показывали в боях исключительное мужество.

Эрик Лукьянов из Ульяновска, попал в школу юнг в 15 лет, выпустился, погиб. Во время боя с фашистски-

Эрик Лукьянов

Евгений Борисюк

Калинычев Николай Кириллович, 1985

Александр Майоров

Н. Н. В. М. Ф.
БЛАНКЕТНАЯ ЧАСТЬ
Форма 4

Место для
штабля
15 августа 1944 г.

№ 24
Ваш *Мамин* *юнга*
(муж, сын, брат, военное звание)

Лукьянов Эрик Александрович
(фамилия, имя и отчество)

Родился *2. Января 1928 г.* *пер. Калининского р-на*
(область, район, деревня и село)

В БОЮ ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО, ВЕРНЫЙ ВОЕННОЙ ПРИСЯГЕ, ПРОЯВИЛ ГЕРОИЗМ И МУЖЕСТВО

убит
(убит, умер от ран)

Похоронен *в море* *на дне моря*
(место погребения)

Настоящее извещение является документом для предоставления ходатайства о пенсии (приказ НКВМФ СССР № 325 от 16 июня 1941 г.).

Командир 1 ранга
М. П.

Похоронка

ми самолётами был убит пулемётчик и Эрик встал на его место. Немецкий осколок попал юнге Лукьянову в голову. Домой пришла похоронка: «Похоронен в море».

Хочется рассказать о мелекесце юнге Калинычеве, воевавшем на Балтийском флоте на тральщике. Жизнь экипажа тральщика была нелёгкой: траление фарватеров, рейды по проводке кораблей через минные поля, участие в высадке десантов.

26 июня 1944 года дивизион получил приказ высадить десант в бухте Алалахта (Финляндия). Команда катера поддерживала всем имеющимся на борту вооружением высадившийся десант. И тут противник накрыл катер шрапнелью. Был убит командир, погиб рулевой, моторист, который вёл огонь из пулемёта, минёр... Из семи человек команды в живых остался только тяжелораненый Николай Калинычев. Добравшись до штурвала, он под шквальным огнём вывел катер из зоны обстрела и довёл его до родного пирса.

Моряки, вбежавшие на катер, увидели шесть трупов и повисшего на штурвале юнгу. За этот бой Николай Калинычев был награждён орденом Красного Знамени. Погибший экипаж похоронили, а Николая направили в Ленинград, в военно-морской госпиталь. Ранение в левую ногу и грудную клетку. После шестимесячного лечения матрос Калинычев был признан негодным к военной службе и был списан из Военно-морского флота в январе 1945 года. Нога не работала совсем. Инвалид I группы в 18 лет. Но нет, он не сдался! Упорные тренировки и езда на велосипеде сделали своё дело!

В наградном листе орденом Красной Звезды говорится: «Красно-

флотец Борисюк, плавая на катере с начала навигации в качестве ученика радиста, в совершенстве овладел специальностью как радиста, так и пулемётчика. Борисюк участвовал во всех операциях траления и проводке кораблей, а также при высадке десанта. Во время высадки десанта он огнём из пулемёта подавлял вражеские огневые точки на берегу. 30.07.1944 года во время операции вёл наблюдение за воздухом, кроме того, помогал химику в постановке ДЗ и сбрасыванию шашек. После потопления вражеской лодки активно принимал участие в подборе плененных. Маневрируя среди обломков, на винт катера намоталась ветошь. После передачи пленных на катер МО-103 Борисюк спустился за борт и в течение 3 минут очистил винт. Катер получил возможность развить полный ход, что было кстати, так как противник начал вести массированный огонь с берега. Катер начал постановку дымзавесы. Борисюк снова пришёл на помощь химику.

* * *

*Командир
группы катеров Л – т /Верин/
1.08.44 г.*

В музее парка им. А. Матросова хранится книга о трагической судьбе юнги Геннадии Таращук, а на титульном её листе рукой его боевого товарища Злыдарева написано: «Я свидетель боя 22 апреля 1944 года, когда мы, два катера, вышли в бой против одиннадцати кораблей противника и потопили три вражеских корабля». И так можно говорить о каждом...

Каждый из них был героем!

ПОБЕДА! Как давно страна ждала её, какими невероятными усилиями и множеством человеческих жертв она нам досталась, но в том, что ОНА придёт – сомнений не было ни у кого. Возвращались воевавшие, попавшие в плен, воссоединялись семьи. Только матери мальчиков, ушедших в Школу юнг в 1942, в 1943 и 1944 годах, продолжали ждать, так как их сыновей призвали на службу в Морской флот, потому что в 1945 году они достигли призывного возраста. Ждали, успокаивая себя, что война закончилась, а служить нестрашно, пять лет пробегут. Только матери не знали, в чём заключалась служба сынов. А служба заключалась в охране границ и в уборке смертельного «мусора», который оставила война. Так что для юнг, ставших старшими матросами, старшинами, младшими лейтенантами, война продолжалась.

Они тралили оставшиеся на дне морей мины и бомбы, подрывались и погибали, как погиб в 1950 году ульяновский юнга Александр Майоров.

Морскую гладь он «пашет» днём и ночью,
Под знойным солнцем и холодной луной.
Его работа видится воочию,
Как только трал опущен за кормой.
Всплывают мины якорные, вскоре
Вскипает море от разрывов мин,
И с каждым взрывом прочь уходит горе
С дороги той, где тральщик лишь один.
В свой новый рейс, с волной морскою споря,
Идут суда дорогой голубой,
И только тральщик «пашет» где-то море,
И снова трал опущен за кормой.

Во сто крат больше получать похоронки в мирное время, в которых написано: «Погиб при исполнении боевого задания».

Вот так бывший комиссар Соловецкой школы юнг писал в своей книге: «Как непосредственный участник и живой свидетель событий, с полной ответственностью могу подтвердить: юнги сдержали клятву. Проверку боем они выдержали с честью и до конца».

С 1948 по 1952 год наконец возмужавшие мальчики начали возвращаться домой. Понимая, какое трудное положение в стране с кадрами, все, как один, не отдыхая, устраивались на работу благо, специальности у них были. Наконец, жизнь им позволила влюбиться, строить семейные отношения, познать радость отцовства. Без отрыва от производства учились. И обязательно встречались, проводили уроки мужества в школах, поддерживали друг друга, вместе радовались и делили на все бедности... И все до одного хотели побывать на Соловецких островах, там, где осталось их детство, там, где они стали взрослыми и откуда ушли на боевые корабли.

О них сняты художественные фильмы и написано немало книг, в основном самими юнгами, а моя книга будет во всех библиотеках и школах города и области. Но я думаю, что у летописи о Соловецких юнгах не будет последней страницы...

ПАМЯТЬ

Задохнулись канонады,
В мире тишина,
На большой земле однажды
Кончилась война.
Будем жить, встречать рассветы,
Верить и любить.
Только не забыть бы это,
Не забыть бы это,
Лишь бы не забыть!
Роберт Рождественский.

*Из книги Нины Дубовой
«По зову сердца и велению долга»*

